

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сверловой Елены Леонидовны на нарушение ее конституционных прав положениями части второй статьи 20, статей 318, 319 и 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

17 сентября 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И.Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки Е.Л.Сверловой,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданка Е.Л.Сверлова оспаривает конституционность положений части второй статьи 20 «Виды уголовного преследования», статей 318 «Возбуждение уголовного дела частного обвинения», 319 «Полномочия мирового судьи по уголовному делу частного обвинения» и 321

«Рассмотрение уголовного дела в судебном заседании» УПК Российской Федерации.

Как следует из представленных материалов, Е.Л.Сверлова обратилась к мировому судье судебного участка № 30 города Москвы с заявлением о привлечении к уголовной ответственности своего бывшего мужа, обвинив его в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» УК Российской Федерации. Приговором от 29 июня 2012 года, постановленным по результатам судебного разбирательства, проведенного по ходатайству обвиняемого без его участия, он был оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления, а гражданский иск потерпевшей оставлен без рассмотрения, поскольку, как отмечено в приговоре, по делу не имеется объективных доказательств, подтверждающих не только причинение подсудимым легкого вреда здоровью Е.Л.Сверловой, но даже факт нанесения ей побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших потерпевшей физическую боль (часть первая статьи 116 УК Российской Федерации). Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с такой оценкой, оставив оправдательный приговор без изменения, а жалобы потерпевшей – без удовлетворения (постановление Нагатинского районного суда города Москвы от 10 декабря 2012 года и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 30 января 2013 года).

Заявительница полагает, что проблема защиты ее прав как потерпевшей от преступления заключается в самой форме уголовного судопроизводства по делам частного обвинения, которая, не предполагая проведение предварительного следствия и дознания уполномоченными на то органами и должностными лицами, не предоставляет частному обвинителю законной возможности собственными силами производить осмотр места происшествия, проверку показаний на месте, очную ставку и другие следственные действия, направленные на полноценный сбор доказательств, как это осуществляется по делам частного-публичного и публичного

обвинения. Кроме того, как считает заявительница, на правовой оценке ее показаний сказались отсутствие при рассмотрении ее дела государственного обвинителя (прокурора).

Исходя из этого, Е.Л.Сверлова утверждает, что оспариваемые ею нормы, как не предусматривающие какой-либо государственной защиты прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения и устанавливающие уголовно-процессуальное неравенство между потерпевшими по делам частного обвинения и потерпевшими по делам частно-публичного и публичного обвинения, нарушают гарантии прав и свобод человека, закрепленные статьями 19 (часть 1), 45 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому государственную, в том числе судебную, защиту его прав и свобод, обязывая государство обеспечивать потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52).

Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает также из положений статьи 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которым достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к личности потерпевшего это конституционное предписание предполагает, прежде всего, обязанность государства как предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, так и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (Постановление

Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П).

Такой подход корреспондирует положениям Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 года резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН), призывающей государства – члены ООН содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали интересам защиты жертв преступлений, в том числе путем предоставления им надлежащей помощи на протяжении всего судебного разбирательства, а также путем обеспечения им возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия (подпункты «b», «с» пункта 6).

2.1. Во исполнение конституционного требования о защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, федеральный законодатель устанавливает порядок уголовного судопроизводства, в том числе виды уголовного преследования, которое в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке (часть первая статьи 20 УПК Российской Федерации). Соответственно, уголовное преследование как процессуальная деятельность стороны обвинения, имеющая целью изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, осуществляется уполномоченными на то государством органами и должностными лицами, а в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях – также потерпевшими, действующими от своего имени при возбуждении уголовного дела, формулировании обвинения и его поддержании в суде.

Особенности уголовного судопроизводства по делам частного обвинения определяются спецификой рассматриваемых в данном порядке уголовных дел о преступлениях, совершаемых обычно на почве конфликтов межличностного характера в основном в сфере внутрисемейных

отношений, в общении между соседями и сослуживцами, а также необходимостью учета субъективного восприятия потерпевшим совершенного в отношении него деяния, возможностью соединения в одном производстве рассмотрения заявления по уголовному делу частного обвинения с рассмотрением встречного заявления, обуславливающей участие в уголовном процессе подавших данные заявления лиц одновременно и в качестве частного обвинителя и в качестве подсудимого, примирительным характером судебной деятельности, отвечающим предназначению мировой юстиции, и рядом других обстоятельств, с учетом которых могут ограничиваться пределы целесообразности публичного преследования.

2.2. Обращаясь к законоположениям, регламентирующим уголовное преследование за преступные деяния, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что законодатель – исходя из характера преступления, его общественной опасности, сочетания затрагиваемых преступлением общественных и индивидуальных интересов, а также в целях более полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в соответствии со статьями 18 и 21 Конституции Российской Федерации, в том числе для предотвращения нежелательных для лица, пострадавшего от преступления, последствий его участия в уголовном процессе, – вправе дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности, которая предполагает учет волеизъявления лица, пострадавшего от преступления, вплоть до придания ему определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений (Постановление от 27 июня 2005 года № 7-П).

Так, уголовные дела частного обвинения, по общему правилу, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (часть вторая статьи 20 УПК Российской Федерации). При этом такое заявление не только признается поводом к возбуждению уголовного дела, но и рассматривается в качестве

обвинительного акта, в рамках которого осуществляется уголовное преследование.

Устанавливая эти правила, законодатель исходил из того, что соответствующие преступления не представляют значительной общественной опасности и их раскрытие обычно не вызывает трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять уголовное преследование – обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частного-публичного и публичного обвинения) процессуальные стадии досудебного производства (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П и от 17 октября 2011 года № 22-П).

В то же время диспозитивность, выступая в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевшего по делам частного обвинения, не может приводить к их ограничению: если любое из преступлений, дела о которых рассматриваются в порядке частного обвинения, совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам (в том числе ввиду того, что данные о виновном в совершении такого преступления потерпевшему не известны) не может защищать свои права и законные интересы, руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя (часть четвертая статьи 20 УПК Российской Федерации). Если же указанные обстоятельства будут установлены после принятия заявления к производству, то мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора (часть восьмая статьи 318 УПК Российской Федерации). Наконец, если в ходе судебного разбирательства в действиях лица, в отношении которого подано заявление, будут установлены признаки преступления, не предусмотренного частью второй статьи 20 УПК

Российской Федерации, то мировой судья выносит постановление о прекращении уголовного преследования по делу и направлении материалов руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения, о чем уведомляет потерпевшего или его законного представителя (часть шестая статьи 321 УПК Российской Федерации).

Соответственно, предполагая равный подход лишь к формально равным субъектам, конституционный принцип равенства не требует установления одинакового порядка уголовного судопроизводства по различным категориям уголовных дел, дифференцируемых в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления, наличия или отсутствия данных о совершившем преступление лице, особенностей личности потерпевшего – возраста, состояния здоровья и других конкретизируемых на основе требований закона и фактических обстоятельств дела факторов, предопределяющих его способность самостоятельно осуществлять уголовное преследование.

2.3. Обязанность государства обеспечивать защиту прав пострадавших от преступлений по делам частного обвинения реализуется в том числе путем установления такого правопорядка, который гарантировал бы всем потерпевшим право на доступ к правосудию (статья 1, часть 1; статья 2; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации), а также предоставлением им надлежащих возможностей отстаивать свои интересы в суде.

В этой связи Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя право потерпевшего по делам частного обвинения непосредственно заявлять о совершенном в отношении него преступлении в суд (часть первая статьи 318) и предоставляя ему с момента принятия судом такого заявления к своему производству статус частного обвинителя (часть седьмая статьи 318), наделяет его для защиты своих интересов в судебном разбирательстве рядом процессуальных прав, равных правам

государственного обвинителя (часть вторая статьи 43), в том числе правом выдвигать и поддерживать обвинение в суде (статья 22), представлять доказательства и участвовать в их исследовании, излагать суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства (часть пятая статьи 321); заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда, в том числе на постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, обжаловать приговор и судебные решения других инстанций, пользоваться помощью представителя, а также осуществлять иные полномочия, предусмотренные данным Кодексом (статья 42).

Аналогичные процессуальные права имеют и представители частного обвинителя (в том числе адвокаты) безотносительно к личному участию в уголовном деле представляемого ими лица (части третья и четвертая статьи 45 УПК Российской Федерации).

2.4. Гарантированное Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту (статья 46, часть 1) предполагает, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты, обеспечивающей эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 14 июля 2005 года № 8-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 25 июня 2013 года № 14-П и др.).

По смыслу статей 46–52, 118, 120 и 123 Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им статей 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу. Исходя из этого именно на суд возлагаются обязанности по обеспечению необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав

(часть третья статьи 15 УПК Российской Федерации). В частности, согласно главе 37 УПК Российской Федерации мировой судья обладает полномочиями допрашивать потерпевшего, подсудимого, свидетелей и экспертов, назначать судебную экспертизу и производить следственный эксперимент, истребовать и осматривать доказательства. Кроме того, применительно к делам частного обвинения Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит специальную норму, предусматривающую, что по ходатайству сторон мировой судья вправе оказать им содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно (часть вторая статьи 319). В этих случаях, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, судья не осуществляет функцию стороны обвинения или стороны защиты и не проявляет не свойственную ему как органу правосудия инициативу – он лишь разрешает ходатайство стороны об истребовании и исследовании указанного ею доказательства, используя властные полномочия, которые в судебных стадиях уголовного судопроизводства имеются у него и отсутствуют у сторон (постановления от 14 января 2000 года № 1-П, от 27 июня 2005 года № 7-П и др.).

Из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» также следует, что потерпевшему, его представителю на любом этапе уголовного судопроизводства должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые он считает необходимыми для ее обоснования; при этом суду следует учесть доводы потерпевшего по вопросам, которыми затрагиваются его права и законные интересы, и дать им мотивированную оценку при принятии судебного решения; в целях создания необходимых условий для исполнения потерпевшим процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных ему прав, руководствуясь положениями статей 15 и 86 УПК Российской Федерации, судам при наличии к тому оснований следует принимать меры для оказания помощи потерпевшему в собирании

доказательств (получении документов, истребовании справок и т. д.) (пункт 11).

Наделение же потерпевшего полномочиями правоохранительных органов и их должностных лиц в доказательственной сфере означало бы обременение его публично-правовыми правоохранительными функциями без конституционных на то оснований. В то же время реализация потерпевшим его процессуальных прав по делам частного обвинения не меняет природы соответствующих судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер.

Таким образом, оспариваемые нормы не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявительницы в указанном ею аспекте.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сверловой Елены Леонидовны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин